

МОДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Л. В. Карнаушенко

*начальник кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета Министерства внутренних дел России,
доктор исторических наук, профессор
karnl@mail.ru*

Статья посвящена комплексному анализу феномена модерного государства с позиций сравнительно-исторического подхода. Исследование фокусируется на взаимодействии универсальных институциональных характеристик с региональными и цивилизационными особенностями их реализации. На примере западноевропейской, советской и восточноевропейской моделей демонстрируется, как модернизационные принципы адаптируются к контекстуальной специфике. Особое внимание уделено концепции множественных модернов.

Ключевые слова: модерное государство; множественные модерны; суверенитет; рационализация; социализация.

Современные политико-правовые трансформации выявляют глубокий кризис доминирующей модели национального государства. Структуры, еще недавно воспринимавшиеся как алогей институционального развития, снижают адаптивность перед лицом глобализации, трансграничных вызовов и эрозии оснований легитимности. Анализ в докладе о судьбах модерных империй фиксирует нарастающее сомнение в универсальности национального государства как единственного возможного формата политической организации, подчеркивая относительность и нестабильность его применимости в современных условиях [1, с. 12].

В европейской интеллектуальной традиции модерное государство – это цивилизационно обобщенный тип власти, где государственность не просто институционализирована, но укоренена в культурной нормативности. По М. Циммеру модерн – это идеологическая структура, охватившая европейское пространство и претендующая на глобальное распространение [2, с. 47]. Это актуализирует важность сопоставительного анализа, раскрывающего как универсалии модерного порядка, так и его региональные воплощения.

По Д. Л. Хоффманну идея множественности модернизационных траекторий позволяет осмыслить вариативность форм реализации модерного государства. Так применение рационализации управления, бюрократизации и активного вмешательства в социальную сферу обусловлено конкретным историко-культурным контекстом [3, с. 23]. Это позволяет интерпретировать советскую модель как альтернативный модерный проект, сочетающий централизованное управление с идеологической мобилизацией [3, с. 42]; расширить рамки типологии государственности; усилить значимость концепта множественных модернов [3, с. 57].

Идея множественных модернов предполагает отказ от европоцентричного универсализма в пользу рассмотрения локальных логик государственного становления. Этот подход

предлагает анализировать государственность не как линейную проекцию европейского опыта, а как результат сложного взаимодействия универсалий и культурной специфики.

Д. Л. Хоффманн смещает акцент с нормативных суждений на содержательные характеристики социалистического проекта как разновидности модерного правления. Он подчеркивает, что советская система, несмотря на репрессивные черты, воплощала ключевые принципы модерной власти – управление через социальную мобилизацию и институционализированное вмешательство [3, с. 211]. Такая трактовка позволяет освободить анализ от редукционистских схем и оценивать советскую государственность в терминах внутренней логики модернизации.

Ю. Д. Гранин обращает внимание на методологические искаженности, возникающие при игнорировании процессов становления государства в пользу анализа уже устоявшихся форм. Он указывает на то, что эссециалистский подход, редуцирующий модернное государство к фиксированным характеристикам, блокирует понимание процессов национализации и социализации как ключевых трансформационных векторов [4, с. 36].

Следовательно, изучение модерного государства требует методологической гибкости и многослойного анализа, учитывающего как институциональные универсалии, так и региональные формы их конкретизации. Только при таком подходе возможно адекватное осмысление государственности как феномена модерной эпохи.

Понятийное поле, связанное с познанием государства, отличается методологической и терминологической сложностью. Это проявляется прежде всего в полисемантическости самого термина «государство», который, попадая в различные любые дисциплинарные рамки приобретает принципиально различные значения. По Ю. Д. Гранину «государство» – это междисциплинарная категория, а его трактовка варьируется в зависимости от исследовательского контекста [5, с. 36].

Особую важность приобретает различие эссециалистской и процессуальной оптики в изучении феномена модерного государства. Многие научные интерпретации сосредоточены на фиксированных формах государственности, тем самым исключая из рассмотрения процессы становления и институционального усложнения. Интерпретации, реализованные в рамках эссециалистского подхода, зачастую рассматривают модернное государство как уже состоявшееся «национальное» или «социальное» образование, не анализируя механизмы его формирования. Такая редукция ведет к игнорированию исторической динамики и затрудняет осмысление политico-правовых трансформаций.

Ключевым методологическим ориентиром для анализа государства Модерна остается концепция рационального господства М. Вебера, которая опирается на идею монополии на легитимное насилие в пределах определенной территории – концепт, развиваемый далее в институциональных теориях Э. Гидденса и его последователей [5, с. 39]. М. Циммер, интерпретируя эту традицию, подчеркивает, что модернное государство отличается от предшествующих форм не только объемом власти, но и способом ее институционального обоснования [6, с. 48].

Современные исследования расширяют это понимание, обращаясь к модели множественных модернов (Ш. Н. Айзенштадт, Д. Л. Хоффманн), что позволяет рассматривать не как универсальный процесс, а как набор альтернативных траекторий, развивающихся в разных культурных контекстах [7, с. 57]. Советский опыт, по Д. Л. Хоффманну, как пример характеризует вариант модернизации с выраженным идеологическим содержанием и централизованной структурой власти [3, с. 42].

В отечественной правовой мысли это разнообразие отражено в интерпретации государства как правового института, эволюционирующем от носителя суверенитета к субъекту нормативного порядка. Такой переход сопровождается формализацией публичного управления через механизмы административного и конституционного права, а также усилением социальной функции государства [8, с. 91]. В основе этих процессов лежат тенденции к национализации и социализации, которые, по мнению Ю. Д. Гранина, часто остаются вне поля зрения исследователей, сосредоточенных на фиксированных институциональных структурах. Тем самым утрачивается динамика формирования модернного государства как социального и национального феномена [5, с. 39].

Институциональное развитие сопровождалось централизацией власти, расширением бюрократического аппарата и упорядочением управлеченческих механизмов. Государственная власть стала действовать напрямую по отношению к населению, минуя местные посреднические формы [1, с. 14]. Это сопровождалось юридической унификацией и усилением нормативного контроля, оформленного правом [6, с. 49; 1, с. 17].

Значимым компонентом модернной государственности стало системное вмешательство в социальную сферу. Советская модель, вбирая элементы западного социального проектирования, развивала их в направлении дисциплинарной мобилизации, сочетающей заботу и контроль как единую технологию управления [7, с. 320].

Наконец, модернное государство выступает не только внутренним регулятором, но и полноправным актором международных отношений. По М. Циммеру, суверенные государства модернной эпохи сохраняют центральное положение в мировой системе, несмотря на процессы глобализации [6, с. 51–52]. Это подтверждается и в сфере экономического взаимодействия, где, несмотря на функциональное разделение экономики и политики, между ними сохраняется структурная взаимозависимость, формирующая капиталистическую модель и укрепляющая международную государственную архитектуру [6, с. 53].

Таким образом, модернное государство – это сложный историко-правовой тип, в котором сочетаются универсальные принципы рационального управления с вариативностью институциональных реализаций, обусловленных культурными и политическими контекстами. Национализация, бюрократизация, социализация и международная активность формируют каркас его политico-правовой идентичности.

Формы модернного государства нельзя свести к вариациям единого образца: они представляют собой результат различий в социокультурных, правовых и институциональных контекстах. Универсальные черты модерна – централизация власти, бюрократическое управление, нормативная рациональность – зависят от исторических условий.

В западноевропейской традиции государственность закрепилась через парламентскую систему, правовой индивидуализм и рыночные отношения. Эти элементы обеспечили легитимацию власти через юридические процедуры, а не через сакральные авторитеты. М. Циммер связывает европейскую модель с экспанссией идеологии суверенитета и правовой автономии в глобальном масштабе [6, с. 46–47].

Советская модель возникла в ответ на иные вызовы: необходимость ускоренной модернизации в условиях идеологического мобилизма и слабости частных институтов. По Д. Л. Хоффманну, она оформилась как централизованный механизм социального формирования, где забота и контроль функционировали в логике административного насилия. Как указывает Б. Е. Степанов, насилие здесь понималось не как отклонение, а как инструмент достижения нормативной целостности [9, с. 319, 321].

Восточная Европа и Россия развивались в рамках незавершенного перехода от имперской системы к национальному государству. А. И. Миллер отмечает, что слабая институционализация и напряженность между символикой империи и риторикой нации затруднили формирование устойчивой государственной идентичности [10, с. 10–14].

Важные интуиции государственности представлены в культурных репрезентациях. А. Марей показывает, как в фэнтезийной вселенной Вестероса латентно присутствуют ожидания централизованной власти, несмотря на ее фактическое отсутствие [11, с. 4], что отражает действие государства как глубинной структуры социального воображения.

Региональные различия охватывают типы способы правового мышления и легитимации, позиционируемые как логичное следствие цивилизационных траекторий. Государства, вышедшие за рамки европоцентричного шаблона, демонстрируют зачастую большую устойчивость. По А. И. Миллеру именно культурно адаптированные модели оказываются жизнеспособнее в новых глобальных условиях [10, с. 12]. М. Эман выявляет корни модерного государства в слиянии христианской догматики, реформаторских движений и индустриализации, подчеркивая их роль в формировании правовых и административных систем [12, с. 34–36].

Отказ от линейной модели модернизации позволяет признать альтернативные пути как равноправные формы политического развития. Ю. Д. Гранин подчеркивает необходимость учитывать взаимодействие универсальных принципов с локальными традициями [4, с. 28]. С этим соглашается и Д. Л. Хоффманн [3, с. 316–319].

Изучение модерного государства опирается на выявление устойчивых институциональных признаков и их региональных модификаций (централизация власти, бюрократическая координация и рационально-правовой механизм легитимации), конкретное содержание которых проявляется в пределах определенного социокультурного и правового контекста. Правовые системы, религиозные традиции и социальная структура задают вариативность форм реализации модерной государственности.

Современная трансформация государственности выражается в перестройке политico-правовых конфигураций. Национальное государство, возникшее как институциональный итог Модерна, теряет способность к эффективной адаптации перед лицом глобальных вызовов. Наблюдается переход к гибридным моделям, сочетающим принципы территориального суверенитета с наднациональным управлением, цифровыми механизмами контроля и элементами символической мобилизации. Формирующиеся структуры, обладая внутренней согласованностью, выходят за пределы классической модели суверенитета. Разворачивание таких процессов задает вектор для междисциплинарных исследований. Особое внимание заслуживает анализ трансформации правовых и административных институтов под давлением глобальной нормативной среды. Не менее значимо обращение к символическим формам репрезентации государственности, в том числе в массовой культуре, где через функциональные нарративы артикулируются представления о праве, власти и легитимности. Реконструкция этих нарративов позволяет выявить устойчивые модели политического воображаемого, сохраняющие актуальность в условиях институциональных сдвигов.

Переосмысление государственности в XXI в. требует включения теории права в диалог с исторической социологией, политической антропологией и теорией международных режимов, что позволяет фиксировать и эволюцию форм, и трансформацию логики политического порядка.

Библиографический список

1. Миллер, А. И. Модерные империи и их значение для современности: аналитический доклад / А. И. Миллер, А. А. Вершинин и др. – М. : РОССПЭН, 2017. – 112 с.
2. Циммер, М. Модерн, государство и международная политика: историко-политологический анализ / М. Циммер; пер. с нем. В. Л. Иноземцева // Современная Европа. – 2013. – № 2 (58). – С. 47–56.
3. Хоффманн, Д. Л. Возвращение масс: модернное государство и советский социализм. 1914–1939 / Д. Л. Хоффманн; пер. с англ. А. Терещенко. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 480 с.
4. Гранин, Ю. Д. Анализ теоретизирования о «государстве модерна» и его исторических формах / Ю. Д. Гранин // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. – 2018. – № 4. – С. 35–51.
5. Миллер, А. И. Модерные империи и их значение для современности: аналитический доклад / А. И. Миллер, А. А. Вершинин и др. – М. : РОССПЭН, 2017. – 112 с.
6. Циммер, М. Модерн, государство и международная политика: историко-политологический анализ / М. Циммер; пер. с нем. В. Л. Иноземцева // Современная Европа. – 2013. – № 2 (58). – С. 47–56.
7. Хоффманн, Д. Л. Возвращение масс: модернное государство и советский социализм. 1914–1939 / Д. Л. Хоффманн; пер. с англ. А. Терещенко. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 480 с.
8. Гранин, Ю. Д. Анализ теоретизирования о «государстве модерна» и его исторических формах / Ю. Д. Гранин // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. – 2018. – № 4. – С. 35–51.
9. Степанов, Б. Е. Он садовником родился? [Рец. на кн. : Хоффманн Д. Л. Возвращение масс. Модернное государство и советский социализм. 1914–1939. – М. : Новое литературное обозрение, 2018] // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 155. – С. 316–323.
10. Миллер, А. И. Модерные империи и их значение для современности: аналитический доклад / А. И. Миллер, А. А. Вершинин и др. – М. : РОССПЭН, 2017. – 112 с.
11. Марей, А. Карлик, евнух и банкир: интуиции модернского государства в Вестеросе / А. Марей // Теория моды. – 2020. – № 56. – С. 3–18.
12. Эман, М. Категории модернского государства, христианства, Реформации и Промышленной революции в концептах глобальной истории: взгляд из Италии / М. Эман // Теория моды. – 2021. – № 4. – С. 34–43.